

ФИЛОСОФСКІЙ СКИТАЛЕЦЪ.

ПАМЯТИ Н. Я. ГРОТА.

(Продолженіе)¹⁾.

Если мы припомнимъ методологическіе принципы Н. Я. и воспроизведемъ ходъ его мыслей въ книжкѣ *О свободѣ воли* и примыкающихъ къ ней этическихъ статьяхъ, то мы найдемъ, что основой его метафизическихъ гипотезъ служатъ психологическіе факты. Онъ выходитъ изъ данныхъ самонаблюденія и оканчиваетъ метафизическими выводами, которые, по его мнѣнію, неизбежно слѣдуютъ изъ этихъ данныхъ. Самонаблюденіе говоритъ намъ, что мы сознаемъ себя свободными, и это сознание подтверждается теоретическимъ анализомъ волевыхъ дѣйствій и ихъ возможныхъ мотивовъ; отсюда слѣдуетъ, что мы на самомъ дѣлѣ свободны. Самонаблюденіе показываетъ, что наша свобода проявляется въ борьбѣ съ нашею эгоистическою индивидуальностью и въ стремленіи къ вѣчнымъ идеаламъ; отсюда слѣдуетъ, что свобода имѣетъ не индивидуальный, а универсальный источникъ, что въ основѣ нашей воли лежитъ „мировая воля“, стремящаяся освободиться отъ произвольно наложенныхъ на себя индивидуальныхъ ограниченій и влекущая насъ къ вѣчному, какъ къ высшей цѣли нашего духовнаго развитія. Но можетъ-ли самонаблюденіе служить почвой для такихъ заключеній? Сознаніе свободы воли есть, конечно, психологическій фактъ; но изъ сознанія свободы можно-ли заключить о ея дѣйствительномъ существованіи? Влеченіе воли къ идеаламъ, возвышающимся надъ индивидуальными стрем-

¹⁾ См. Богосл. Вѣст. Июнь—Іюль.

леніями, есть также психологическій фактъ; но доказываетъ-ли этотъ фактъ, что воля не индивидуальный, а міровой принципъ? Найдемъ-ли мы въ нашемъ психологическомъ опытѣ какую-нибудь гарантію того, что подобное метафизическое истолкованіе этихъ фактовъ законно и справедливо? Если мы обратимся съ этими вопросами къ современной психологіи, то она дастъ на нихъ отрицательный отвѣтъ. По современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, въ области внутренняго опыта, какъ и въ окружающемъ насъ внѣшнемъ мірѣ, намъ доступны только явленія и ихъ эмпирическія соотношенія или законы, а дѣйствительная сущность этихъ явленій намъ неизвѣстна. Сознаніе свободы воли и стремленіе воли къ высшимъ идеаламъ суть такія именно явленія. Если мы хотимъ научно ловить природу данныхъ явленій, то мы найдемъ вполне достаточное объясненіе ихъ, на прим., въ тѣхъ-же законахъ ассоціаціи, которыми управляется остальная душевная жизнь; но утверждать на основаніи ихъ реальное существованіе свободной воли, да еще возводить эту индивидуальную волю въ міровое начало противорѣчитъ всѣмъ принципамъ науки. Такія гипотезы могутъ оправдываться этическими требованіями; но психологія, какъ наука, не имѣетъ дѣла съ этическими постулатами и не можетъ служить опорой для метафизическихъ предположеній. Такимъ образомъ, чтобы удостовѣриться въ правильности своихъ метафизическихъ выводовъ, Н. Я. долженъ былъ пересмотрѣть ихъ психологическія послыжки. Желая создать на почвѣ самонаблюденія свою философскую теорію воли, онъ оказался въ противорѣчій съ основными принципами современной психологіи и ему оставалось что-нибудь одно изъ двухъ: или оставить эту теорію безъ научнаго фундамента, или попытаться реформировать господствующія въ настоящее время психологическія идеи. Такую именно смѣлую реформу задумалъ онъ въ серіи своихъ психологическихъ работъ: *La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique* (1889), *Жизненные задачи психологіи* (1890). *Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи* (1894), *О времени* (1894), *Основанія экспериментальной психологіи* (1895), и *Понятіе души и психической энергии въ психологіи* (1897). Первоначально Н. Я. занимается психологическими вопросами преимущественно въ

этическихъ и метафизическихъ цѣляхъ: онъ ищетъ въ психологiи средствъ для научнаго и философскаго оправданiя идеи свободы воли, души и безсмертiя. Но въ послѣдствiи у него пробуждается интересъ къ психологiи, какъ наукѣ; метафизическiя и этическiя задачи отступаютъ на заднiй планъ и возникаетъ стремленiе уяснить методы и принципы психологическаго изслѣдованiя. вмѣстѣ съ смѣною интересовъ происходитъ и измѣненiе его взглядовъ. Влiянiе философии Шопенгауэра уступаетъ мѣсто влiянiю идеи современныхъ натуралистовъ и этическiй волюнтаризмъ замѣняется новою точкой зрѣнiя, которую онъ называетъ *психологическою энергiею*.

Н. Я. начинаетъ рѣзкою критикою современной эмпирической и физиологической психологiи. На Парижскомъ психологическомъ конгрессѣ 1889 г. онъ читаетъ докладъ *О причинности и сохраненiи энергiи въ области душевной дѣятельности* и этотъ докладъ звучитъ полнымъ диссонансомъ среди дружнаго хора собравшихся на конгрессъ психофизиологовъ. Онъ заявляетъ здѣсь психофизиологамъ, что ихъ приемы изученiя психическихъ явленiй суть ничто иное, какъ сплошное *petitio principii*. Физиологическая психологiя требуетъ, чтобы мы заранее согласились съ положенiемъ, что душевныя явленiя связаны двоякими причинными отношенiями, что воспрiятiя, представленiя и чувства всецѣло обусловливаютъ акты воли, а сами въ свою очередь находятся въ строгой причинной зависимости отъ физическихъ и физиологическихъ процессовъ. Но доказаны-ли научно эти причинныя зависимости между психическими явленiями съ одной стороны, и психическими и физиологическими процессами съ другой? Въ дѣйствительности мысль о такихъ зависимостяхъ есть простая гипотеза, и гипотеза вполне произвольная. Болѣе глубокий психологическiй анализъ показываетъ, что въ области душевныхъ явленiй воспрiятiя, представленiя и чувства обыкновенно зависятъ отъ направлении воли, а не наоборотъ, а въ области отношенiй психическихъ и физиологическихъ процессовъ легче доказать зависимость измѣненiи физической организации отъ волевыхъ актовъ субъекта, чѣмъ обратно. Самый законъ причинной зависимости есть ничто иное, какъ отвлеченiе отъ наблюдаемыхъ нами дѣйствiй воли во внутреннемъ и внѣшнемъ мiрѣ. Примѣ-

нимъ-ли къ душевной жизни законъ сохраненія энергій? На этотъ вопросъ Н. Я. не даетъ утвердительнаго отвѣта. Скорѣе онъ склоненъ защищать тотъ тезисъ, что въ психическомъ мірѣ господствуетъ законъ возрастанія энергій. Перехода физическихъ энергій въ психическія онъ точно такъ-же не допускаетъ, какъ и причинной зависимости душевныхъ явленій отъ физическихъ процессовъ. Единственная энергія въ душѣ и въ природѣ и единственная причина психическихъ и физическихъ явленій есть, по его мнѣнію, воля, и онъ раематриваетъ эту міровую силу съ той-же метафизической точки зрѣнія, какъ и въ трактатѣ *О свободѣ*.

Но еще рѣшительнѣе Н. Я. нападаетъ на современныхъ психологовъ, ихъ принципы и методы въ статьяхъ *Жизненные задачи психологій* ¹⁾ и *Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологій* ²⁾. Эти статьи—цѣлый обвинительный актъ противъ эмпирической и физиологической психологій нашего времени, беспощадный, во многомъ пристрастный, но во многомъ, конечно, и справедливый обвинительный актъ. Психологія по своей идеѣ должна быть важнѣйшею изъ наукъ. Величайшая задача человѣка состоитъ въ томъ, чтобы познать свою природу и овладѣть самимъ собою и окружающимъ міромъ; а гдѣ ему искать средствъ для разрѣшенія этой трудной задачи, какъ не въ наукѣ о человѣческой душѣ? Только психологія можетъ дать ему ключъ къ самопознанію и самовоспитанію; только она можетъ уяснить истинныя основы его бытія и освѣтить законы его взаимодѣйствія съ другими людьми и съ природою; только она можетъ помочь ему усовершенствоваться свои нравственныя и умственныя силы, выработать свой характеръ, подчинить разуму свои страсти. Между тѣмъ, если мы обратимся къ современному положенію психологій, то мы увидимъ, что она не доросла даже до пониманія этихъ задачъ. Психологія не оказываетъ никакого вліянія на выработку нашихъ убѣжденій и не играетъ никакой роли ни въ системѣ нашего образованія, ни въ дѣйствительной жизни. У нея не спрашиваютъ совѣта и не ищутъ объясненій; къ ней не

¹⁾ *Вопросы философіи и психологій*, 1890, кн. 4.

²⁾ *Вопросы философіи и психологій*, 1894, кн. 21.

обращаются за руководствомъ и указаніями ни въ научныхъ вопросахъ, ни въ житейскихъ дѣлахъ. Даже врачи и юристы, даже сами педагоги не считаютъ нужнымъ справляться съ нею въ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ своей практики, когда, повидимому, только знаніе человѣческой души способно вывести ихъ на правильную дорогу. Мы съ вами, читатель, могли-бы подумать, что во всемъ этомъ виновата пожалуй не столько психологія, сколько именно тѣ люди, которые не хотятъ интересоваться ею. Но нѣтъ. Причина такого печальнаго положенія вещей, по мнѣнію Н. Я., можетъ быть только одна: она заключается въ жалкомъ состояніи современной психологіи, въ неудовлетворительности ея принциповъ и методовъ и въ ничтожности ея результатовъ. Къ ней не обращаются за указаніями, потому что она не способна дать ихъ; у нея не спрашиваютъ объясненій, потому что она ничего не объясняетъ и даже отказывается что-нибудь объяснить.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему стремится современная психологія и какихъ результатовъ она достигла? Въ настоящее время психологія дробится на нѣсколько враждебныхъ направленій,—эмпирическое, физиологическое, экспериментальное, изъ которыхъ каждое понимаетъ задачи психологическаго изслѣдованія по своему и предлагаетъ свои способы для ихъ разрѣшенія. Но какое-бы изъ этихъ направленій мы ни взяли, мы увидимъ, что ихъ цѣли одинаково химеричны, а ихъ методы и результаты одинаково безплодны. Возьмемъ прежде всего современную *эмпирическую* психологію. Она признаетъ своимъ догматомъ то положеніе, что въ области душевной жизни намъ могутъ быть извѣстны только *явленія*, и объявляетъ еретиками науки всѣхъ, кто вмѣстѣ съ старыми психологами хочетъ открыть лежащую за этими явленіями душевную сущность. Поэтому она ставитъ своею задачей лишь изученіе психическихъ явленій и ихъ законовъ, въ томъ видѣ, какъ они открываются намъ въ психологическомъ опытѣ вообще и въ самонаблюденіи въ частности. Какъ же изучаютъ психологи-эмпирики эти „явленія“? Они припоминаютъ всѣ извѣстные имъ разряды душевныхъ состояній, классифицируютъ ихъ, изобрѣтаютъ, если нужно, новые „научные термины“ для ихъ обозначенія, описываютъ различныя формы ихъ сосуществованія и послѣдовательности, выводятъ

изъ описанныхъ фактовъ эмпирическіе законы ихъ отношеній или „обобщенные факты“ и, заручившись готовыми рамками, стараются втиснуть въ нихъ всѣ новыя психологическія наблюденія, какія потомъ удастся имъ сдѣлать. Классификація душевныхъ явленій и формулировка психологическихъ законовъ у каждаго психолога, конечно, своя собственная, ихъ терминологія очень различна, ихъ описанія не походятъ другъ на друга. Что-же получается благодаря такому способу психологическаго изслѣдованія? Въмѣсто дѣйствительной картины душевнаго міра получается только рядъ теоретическихъ схемъ, очень субъективныхъ, очень спорныхъ и очень противорѣчивыхъ. Дѣйствительную человѣческую личность съ ея реальнымъ духовнымъ содержаніемъ и ея истинными свойствами психологи-эмпирики не только ни изучаютъ, но и не умѣютъ изучать. Они почти не пользуются многовѣковымъ психологическимъ опытомъ человѣчества, и глубокія наблюденія практическихъ сердецѣдовъ и знатоковъ человѣческой души, разсѣянныя въ художественныхъ произведеніяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ прошлаго и настоящаго, не возбуждаютъ ихъ интереса. Ихъ „эмпирія“ настолько узкая и ограниченная, она приправлена такою дозой фантазіи и субъективнаго произвела, что едва-ли даже можетъ быть серьезно названа эмпиріей. И вотъ почему ихъ результаты такъ бѣдны. Величайшимъ своимъ приобрѣтеніемъ современная эмпирическая психологія, какъ извѣстно, считаетъ теорію ассоціаціи. Но какую научную цѣнность можетъ имѣть эта ограниченная и бесплодная теорія? Она констатируетъ лишь тотъ фактъ, что наши представленія въ извѣстныхъ случаяхъ склонны соединяться и воспроизводиться послѣдовательно или совмѣстно. Но исчерпаны-ли даже всѣ формы отношеній, ведущихъ къ соединенію душевныхъ состояній? Изслѣдованы-ли всѣ области явленій, въ которыхъ происходятъ такіа соединенія? И главное, найденъ-ли истинный принципъ этихъ соединеній, объяснены-ли ихъ реальныя причины? Нашъ духъ не есть пассивный свидѣтель механическаго сцѣпленія и механической смѣны психическихъ состояній, неизвѣстно откуда возникшихъ; онъ есть активная сила, создающая изъ себя самой эти свои состоянія, и теорія ассоціаціи, пытающаяся превратить нашу душевную жизнь въ слѣ-

ной механизмъ, тенденціозна и ложна въ принципѣ. Она поверхностно схватываетъ нѣкоторые видимые факты душевнаго бытія, но не уясняетъ ихъ дѣйствительной причины; она касается внѣшнимъ формальнымъ условіемъ сочетанія душевныхъ явленій, но не вскрываетъ внутреннихъ условій работы духа въ этомъ процессѣ. Впрочемъ, ассоціативная психологія не задается даже и цѣлью объяснить реальныя *причины* душевныхъ процессовъ. Она напередъ отказывается отъ такого объясненія, предоставляя его метафизикамъ, и объявляетъ, что она стремится только опредѣлить *формы* и *законы* психическихъ явленій. Конечно, фактически психологи-эмпирики рѣдко ограничиваются такою узкою задачей; но ограничивая ею свой горизонтъ принципиально, они невольно обрекаютъ себя или на противорѣчія, или на бесплодное порханіе по одной лишь поверхности душевной жизни человѣка.

Гдѣ-же коренная причина того, что приемы эмпирической психологіи такъ ложны и ея результаты такъ жалки? Она заключается, очевидно, въ ложности ея основнаго догмата, что въ предѣлахъ опыта для психолога познаваемы только душевныя „явленія“. Понятіе *явленія* заимствовано психологіей изъ области внѣшняго опыта и представляетъ не болѣе, какъ поверхностную аналогію. Но примѣнима-ли эта аналогія къ душевной жизни? Можно-ли провести какую-нибудь границу между такъ называемыми психическими явленіями и тѣми основными психическими силами, которыя въ нихъ проявляются? Можно-ли утверждать, что переживаемыя нами душевныя состоянія представляютъ только кажущіяся формы или символы дѣйствительнаго бытія нашей души, а не самое это бытіе? По отношенію къ внѣшней, физической дѣйствительности совершенно понятно, что она раскрывается намъ не вся и не въ основной своей сущности, такъ-какъ ея бытіе протекаетъ за предѣлами нашего духа: мы познаемъ ее лишь посредствомъ нашихъ ощущеній, а ощущенія суть только явленія или субъективные символы „вещей въ себѣ“. Но наша внутренняя, духовная дѣйствительность не можетъ существовать внѣ и независимо отъ нашихъ душевныхъ состояній; здѣсь мы не можемъ имѣть дѣла съ простыми явленіями или символами духовнаго бытія, а воспринимаемъ это бытіе въ самомъ себѣ.

въ его истинномъ существѣ. Такимъ образомъ, основной тезисъ эмпирической психологіи „о возможности научнаго познанія однихъ душевныхъ явленій“—совершенно пелтый и не выдерживающій самой снисходительной критики тезисъ, а убѣжденіе старой рациональной психологіи въ познаваемости духовной субстанціи, ея основныхъ силъ и свойствъ,—совершенно правильное убѣжденіе. Ошибка старой метафизической психологіи состояла только въ томъ, что она допускала возможность познанія душевной сущности *a priori*, отъ разума, а не изъ фактовъ опыта. Научная психологія, конечно, должна утверждаться на *опытѣ*, но этотъ опытъ долженъ быть несравненно шире и глубже, чѣмъ онъ понимается современными психологами, и долженъ вести насъ къ познанію самаго *существа* душевной жизни, а не какихъ-то „символовъ“ и „явленій“. Вѣдь, теперешняя эмпирическая психологія, оперирующая съ своими выдуманными „явленіями“ и выдуманными „законами“ этихъ явленій, есть таже метафизика, только еще болѣе схоластичная, болѣе поверхностная и бесплодная. Если мы освободимъ ее отъ громкихъ фразъ и дутыхъ формулъ, то она не дастъ намъ почти ничего сверхъ того, что находится въ распоряженіи каждаго наблюдательнаго человѣка, независимо отъ всякой психологической „науки“. Болѣе того: „если такой простой смертный, не психологъ, обладаетъ сверхъ того особенными дарованіями и гениальною проницательностью въ наблюденіи и истолкованіи душевныхъ состояній, своихъ и чужихъ, то онъ даже съ пренебреженіемъ отворачивается отъ схоластическихъ и поверхностныхъ умствованій психолога-эмпирика и въ состояніи самъ—въ художественныхъ созданіяхъ своего гениа—дать такія топки, глубокія и правдивыя описанія и объясненія явленій духовнаго бытія человѣка, о какихъ и не снилось теоретической наукѣ психологіи. Вотъ почему, наприм., художественныя произведенія Достоевскаго гораздо цѣннѣе для уразумѣнія глубокихъ тайнъ души человѣческой, чѣмъ „Основанія психологіи“ Спенсера, съ ея запутанной и искусственной терминологіей, съ ея произвольнымъ и часто наивнымъ схематизмомъ“. Если мы сравнимъ ничтожныя пріобрѣтенія современной эмпирической психологіи съ тѣмъ, что сдѣлали въ древности для этой науки Платонъ и Аристотель,

ты мы найдемъ у послѣднихъ гораздо больше: мы найдемъ у нихъ систему ученій, основанныхъ на дѣйствительномъ опытномъ изслѣдованіи душевной жизни человѣческой личности,—ученій, въ которыхъ не проводится искусственной черты между такъ называемыми душевными явленіями и реальнымъ существомъ души. Правда, и у новѣйшихъ психологовъ-эмпириковъ можно найти „много вѣрнаго и цѣннаго, ибо они, невольно, изучая и наблюдая, хотя и односторонне, душевную жизнь свою и чужую, описывали нѣкоторыя группы явленій весьма правдиво и тонко, выясняли иныя отношенія ихъ очень остроумно и даже глубоко. Но цѣнное, важное, правдивое перепутывается съ такою массою наноснаго схоластическаго хлама, съ такими искусственными хитросплетеніями тенденціозныхъ и произвольныхъ теорій, что нужно много опытности и философскаго такта, чтобъ отдѣлить питательныя зерна отъ плевелъ“.

Гдѣ-же искать спасенія современной эмпирической психологіи? Какъ выдти ей на новый, болѣе плодотворный путь? Ея спасеніе можетъ заключаться только въ болѣе правильномъ пониманіи ея задачъ и въ выработкѣ болѣе разумныхъ методовъ изслѣдованія. Эмпирической психологіи нужно навсегда отказаться отъ химерической мысли, что задача психолога состоитъ только въ изслѣдованіи душевныхъ „явленій“. Она должна изучить конкретную человѣческую личность въ ея цѣломъ, уяснить ея скрытыя силы, опредѣлить реальныя условія ея развитія, указать ей средства для духовнаго самосохраненія и самовоспитанія. Науку составляютъ не искусственныя понятія и схемы; ее образуютъ ученія, проливающія дѣйствительный свѣтъ на возникновеніе и развитіе тѣхъ фактовъ, которые она изучаетъ. „Откуда берутся и какую судьбу претерпѣваютъ въ своемъ развитіи душевныя силы человека?“ „Отчего зависить ихъ подъемъ и ихъ ослабленіе, какъ увеличивать и развивать умственную, нравственную и творческую энергію человѣческаго духа, какъ созидать и поддерживать въ извѣстномъ направленіи силу воли, силу мышленія, свѣжесть и отзывчивость чувства“? Другими словами, „какъ овладѣть человеку своею душевною жизнью,—понять ее и управлять ею, изъять ее изъ подъ вліянія условій случайныхъ и непредусмотрѣнныхъ,—условіи ея разбивающихъ, ослабляющихъ и искажающихъ, и сознательно подчинить ее

разумнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ, сдѣлать ее болѣе идеальной, интензивною и богатою содержаніемъ“? Вотъ великія *жизненныя* задачи психологін. Чтобы уяснить законы самосохраненія и развитія человѣческой личности, психологъ долженъ изучить не только ея внутреннія, душевныя состоянія, но и воздѣйствіе ея духа на тѣлесный организмъ. Въ основѣ нашего духовнаго и физическаго бытія лежитъ воля, отъ которой въ концѣ концовъ зависитъ весь складъ нашихъ идей, нашихъ чувствъ, нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ привычекъ. Какъ создать въ человѣкѣ сильную, разумную и добрую волю, способную господствовать надъ его тѣлесной природой, какъ подчинить ей тѣло и сдѣлать изъ него послушное орудіе для выполненія ея идеальныхъ цѣлей,—это вопросъ, на который долженъ отвѣтить психологъ. Но чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ, конечно, долженъ сначала разсмотрѣть другой, общій и принципиальный вопросъ о самомъ существованіи духовнаго начала въ человѣкѣ. Въ наукѣ, какъ и въ жизни, надо прямо смотрѣть въ глаза истинѣ и не скрывать отъ себя ничего. Если можетъ быть сомнѣніе въ томъ, существуетъ-ли въ человѣкѣ нематеріальное начало, свободная воля, борющіяся съ плотью духовныя силы, то нужно внимательно рѣшить именно эти вопросы, рѣшить прежде всего, во всемъ ихъ объемѣ и значеніи, а не гнѣшить себя ложною мыслью, что для обихода психолога достаточно однихъ душевныхъ „явленій“. Такимъ образомъ, вопросъ о существѣ души долженъ быть первою и основною проблемою психологін. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ психологу мало одного личнаго самонаблюденія, которое часто бываетъ слишкомъ субъективно и обманчиво: ему нужно почаще обращаться къ психологическому опыту другихъ людей, живыхъ и умершихъ, вопрошать исторію и изучать окружающую среду. Онъ долженъ пользоваться автобіографіями выдающихся людей, которые любятъ знакомить насъ съ условіями своего духовнаго развитія; онъ долженъ подвергать анализу художественныя типы, которые часто бываютъ плодомъ глубокихъ и правдивыхъ психологическихъ наблюденій; но въ особенности онъ долженъ изслѣдовать реальную личность живыхъ людей въ связи съ ихъ средою и съ условіями ихъ воспитанія. Наконецъ, онъ не долженъ чуждаться и метафизическихъ построеній, такъ-какъ основ-

ной вопросъ психологін,—вопросъ о существѣ души, можетъ быть рѣшенъ только въ связи съ глубочайшими метафизическими проблемами. Лишь тогда, когда психологъ будетъ примѣнять всѣ эти средства, мы получимъ настоящую науку о душѣ, а не тѣнь ея,—не систему словъ, замысловатыхъ терминовъ и безсодержательныхъ схемъ, а дѣйствительную совокупность фактовъ и ихъ объясненій.

Справедливы-ли нападки Н. Я. на современную эмпирическую психологію? Конечно, не всегда и не во всемъ. Это нападки человѣка, страстно увлеченнаго извѣстной идеей и потому не способнаго судить хладнокровно, нападки неофита, обратившагося изъ прежней, позитивной вѣры въ новую, метафизическую вѣру и желающаго испровергнуть все, къ чему онъ когда-то стремился и что его глубоко разочаровало. Приемы эмпирической психологін, безъ сомнѣнія, вовсе не такъ односторонни и ея результаты далеко не такъ жалки, какъ Н. Я. хочетъ насъ увѣрить. Считая опытъ своею основой, современная эмпирическая психологія понимаетъ его въ очень широкомъ смыслѣ слова и пользуется всѣми средствами наблюденія, какія ей доступны. Что одного самонаблюденія недостаточно для психологическихъ цѣлей, что нужно изучать душевную жизнь другихъ людей, что нужно вопрошать исторію и наблюдать окружающую среду, что нужно пользоваться автобіографіями и произведеніями изящной литературы,—все это трюизмы, хорошо извѣстные каждому психологу и повторяемые въ каждомъ психологическомъ учебникѣ. Обвиненіе современныхъ психологовъ-эмпириковъ въ томъ, что они не изучаютъ живую человѣческую личность и даже не умѣютъ ее изучать, совершенно ни на чемъ не основано. Классификаціи, формулы и теоріи эмпирической психологін, конечно, часто расходятся другъ съ другомъ, но въ нихъ почти не больше противорѣчій, чѣмъ во всѣхъ другихъ научныхъ теоріяхъ, и уже во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ въ метафизическихъ гипотезахъ. Мало того, эти противорѣчія такого рода, что свидѣтельствуютъ скорѣе о прогрессѣ эмпирической психологін, чѣмъ о ея бесплодности. Такъ, механическая теорія ассоціаціи, которая до сихъ поръ господствуетъ въ психологін англичанъ и которую Н. Я. справедливо порицаетъ, уже давно нашла себѣ сильную соперницу въ нѣмецкой

теоріи ашерценціи, которая усвояеть взаимодействію психическихъ явленій разумный и активный характеръ, и борьба этихъ двухъ противоположныхъ теоріи, съ точки зрѣнія самого Н. Я., можетъ быть только полезна для цѣлей науки. Невозможность механическаго объясненія душевной жизни начинается въ настоящее время сознаваться даже сторонниками ассоціативной школы и нѣкоторые изъ нихъ рассматриваютъ ассоціацію не какъ автоматическую игру случайныхъ репродукцій, связанныхъ только смежностью и сходствомъ, а какъ своего рода процессъ психическаго отбора, руководимый волей (Гёфдингъ, Фулье) или управляемый внутреннею цѣлесообразностью (Поланъ). Н. Я. упрекаетъ современную эмпирическую психологію въ томъ, что она превращаетъ дѣйствительные факты душевной жизни въ абстрактныя понятія и схемы. Но какъ-же можетъ быть иначе? Если схематизмъ есть недостатокъ, то это недостатокъ всякой науки, и неизбѣжный недостатокъ. Дѣйствительность мы не можемъ познавать иначе, какъ посредствомъ понятій, и отношенія вещей становятся мыслимы только въ томъ случаѣ, если мы ихъ схематизируемъ. Съ этой точки зрѣнія любая естественная наука, наприм. химія, представляетъ ничто иное, какъ совокупность понятій и схемъ. Дѣло не въ схемахъ и понятіяхъ самихъ по себѣ, а въ томъ, чтобы эти понятія и схемы соотвѣтствовали дѣйствительности, выражали, а не скрывали ее. Удовлетворяетъ ли эмпирическая психологія такому требованію? Это другой вопросъ, но вопросъ такого свойства, что его нельзя рѣшить однимъ почеркомъ пера. Въ системахъ эмпирической психологіи есть понятія и схемы, которыя несомнѣнно соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ психологическимъ фактамъ и отношеніямъ, но есть и такія идеи,—притомъ, какъ увидимъ, даже основныя идеи,—которыя имъ противорѣчатъ. Если ложныя идеи психологовъ-эмпириковъ заслуживаютъ полнаго порицанія, то ихъ правильныя понятія и формулы требуютъ иной оцѣнки. Н. Я. идетъ такъ далеко, что отрицаетъ за современною эмпирическою психологіей почти всякое значеніе; но онъ забываетъ, что критическіе приговоры бываютъ убѣдительно только тогда, когда они чужды крайностей, недоразумѣній и парадоксовъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не крайность—утверждать, что изслѣдованія современныхъ психо-

логовъ ничего не прибавили къ тѣмъ обычнымъ,—смутнымъ и наивнымъ,—психологическимъ представленіямъ, какими обладаетъ каждый „наблюдательный“ человѣкъ помимо всякой науки? Развѣ не парадоксъ—сказать, что эмпирическая психологія въ настоящее время, въ эпоху своего расцвѣта, даетъ намъ гораздо меньше знаній о душевной жизни человѣка, чѣмъ метафизическія гипотезы Платона или скудныя психологическія наблюденія Аристотеля? Развѣ не недоразумѣніе—заявлять, что наблюденія и теоріи психологовъ-эмпириковъ ничего не стоятъ въ сравненіи съ тѣми описаніями душевныхъ состояній, какія даетъ намъ художественная литература? Если-бы можно было на самомъ дѣлѣ поставить вопросъ: кто лучше знакомитъ насъ съ душевною жизнью,—психологъ или романистъ?,—то мы не знаемъ, какъ-бы мы на него отвѣтили. Можетъ быть, мы вполне согласилсъ-бы съ Н. Я. и во всякомъ случаѣ охотно признали-бы, что произведенія Достоевскаго имѣютъ гораздо большую психологическую цѣнность, чѣмъ „Основанія психологіи“ Спенсера. Но можно-ли ставить такой вопросъ? Вѣдь, это все равно, что спрашивать: кто лучше знакомитъ насъ съ природой,—естествоиспытатель, который изучаетъ ея законы, или живописецъ, который изображаетъ ее на полотнѣ? Наука и искусство имѣютъ различныя задачи и различныя средства; ихъ произведенія могутъ быть хороши или дурны, но каждое въ своемъ родѣ, каждое само по себѣ; считать ихъ конкурентами или противопоставлять другъ другу—неблагодарный трудъ. Когда психологъ описываетъ какое-нибудь душевное состояніе, онъ, пожалуй, не можетъ сравниться съ романистомъ или поэтомъ по живости и наглядности изображенія,—подобно тому, какъ ботаникъ, описывая внѣшнія формы цвѣтка, не можетъ конкурировать съ художникомъ, который нарисуетъ этотъ цвѣтокъ въ его дѣйствительномъ видѣ. Но для психолога это въ сущности и не нужно. Его описанія предназначены не для воображенія, а для мысли; они должны давать не столько наглядное представленіе объ извѣстномъ душевномъ процессѣ, сколько точное понятіе о его существенныхъ особенностяхъ и свойствахъ; они должны не столько *изображать*, сколько *опредѣлять* его. И это потому, что задача психолога состоитъ не только въ описаніи душевныхъ процессовъ, но и

въ объясненіи ихъ. Разложить душевныя состоянія на ихъ простѣйшіе элементы и подчинить взаимныя отношенія этихъ элементовъ общимъ законамъ,—вотъ цѣль, къ которой прежде всего стремится психологъ и которой никогда не ставитъ себя романистъ. Достигаетъ-ли современная эмпирическая психологія этой цѣли? Послѣ своихъ суровыхъ приговоровъ Н. Я. самъ признаетъ, что она до нѣкоторой степени достигаетъ ея: психологи-эмпирики, хотя и „невольна“, а все-таки изучали душевную жизнь, „описывали нѣкоторыя группы явленій весьма правдиво и тонко, выясняли иные отношенія ихъ очень остроумно и даже глубоко“. Но тогда зачѣмъ-же утверждать, что ихъ изслѣдованія не имѣютъ никакого значенія? Почему не признать за ними ихъ маленькія заслуги? Н. Я. настаиваетъ на томъ, что задачи психологіи должны быть *жизненными*, что она должна уяснить намъ законы развитія духовныхъ силъ человѣка, показать условія ихъ подъема и ослабленія, дать средства для умственнаго и нравственнаго воспитанія и самовоспитанія. Все это правда; но развѣ современная эмпирическая психологія ничего не сдѣлала для этихъ жизненныхъ задачъ? Развѣ не она обогатила насъ превосходными наблюденіями надъ психическимъ развитіемъ ребенка? Развѣ не ей главнымъ образомъ обязаны мы изученіемъ памяти, воображенія, вниманія, чувствованій, воли, разсудка, характеровъ, умственныхъ типовъ, таланта, наслѣдственности, и проч.? Эмпирическая психологія, конечно, не есть ни педагогика, ни этика, и никогда не можетъ превратиться въ нихъ; но если педагогъ или моралистъ потребуетъ ея услугъ, она въ состояніи дать имъ очень важныя указанія. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что въ изслѣдованіяхъ психологовъ-эмпириковъ далеко не все имѣетъ дѣйствительную научную цѣнность и не все надлежащимъ образомъ освѣщено; однако и при такихъ несомнѣнныхъ недостаткахъ они могутъ многое уяснить намъ въ загадочномъ процессѣ духовнаго развитія человѣка. Какъ-бы ни были эти изслѣдованія далеки отъ научнаго идеала, они ни въ какомъ случаѣ не безплодны, и нужно имѣть слишкомъ мало знакомства съ дѣломъ или слишкомъ много предвзятости, чтобы видѣть въ нихъ „схоластическій хламъ“.

Но если Н. Я. несправедливъ въ оцѣнкѣ пріемовъ и ре-

зультатовъ современной эмпирической психологiи, то онъ безусловно правъ въ своей критикѣ основного принципа этой науки. Протесты противъ психологическаго феноменизма, разумѣется, не новы, но едва-ли кто-нибудь показалъ несостоятельность этого взгляда болѣе убѣдительно и просто. Догматъ психологовъ эмпирической школы, что въ предѣлахъ опыта для насъ познаваемы только душевныя явленія, а не душевная сущность, дѣйствительно, ложенъ, и ложенъ именно потому, что понятіе „явленія“ не примѣнимо къ душевной жизни ни въ метафизическомъ, ни въ теоретико-познавательномъ смыслѣ. Это понятіе можетъ служить очень удобною психологическою формулою или психологическимъ терминомъ, если подъ именемъ душевныхъ явленій разумѣются просто душевныя состоянія, какъ эмпирическіе факты; но оно становится абсурдомъ, если эти состоянія разсматриваются какъ призрачныя формы или субъективные символы какого-то невѣдомаго намъ существа души. Психическая жизнь тѣмъ именно и отличается отъ физическаго міра, что въ ней нѣтъ реальныхъ границъ между явленіемъ и сущностью, между субъективнымъ воспріятіемъ и дѣйствительнымъ бытіемъ; душа—это единственный уголокъ вселенной, гдѣ дѣйствительность можетъ быть извѣстна намъ въ ея истинномъ видѣ, если только тожныя предразсудки не закрываютъ ее отъ нашихъ глазъ. Съ точки зрѣнія психологическаго опыта, душевныя „явленія“ суть ничто иное, какъ элементы, изъ которыхъ складается душевная „сущность“, а душевная „сущность“ есть то цѣлое, въ которомъ нераздѣльно сливаются эти элементы, и психологи, утверждающіе что за душевными явленіями они не видятъ души, похожи на человѣка, который за деревьями не видитъ лѣса. Если-бы Н. Я. вполне сталъ на эту эмпирическую точку зрѣнія, онъ могъ-бы утверждать даже большее: онъ могъ-бы сказать, что душевная „сущность“ извѣстна намъ раньше и лучше душевныхъ „явленій“. „Цѣлое предшествуетъ своимъ частямъ“, гласитъ извѣстная аксіома Аристотеля, и эта аксіома примѣнима не только къ развитію вещей, но и къ познанію ихъ. Всѣ люди съ самаго начала знаютъ, что такое вода; но составные элементы этого сложнаго цѣлага стали извѣстны лишь тогда, когда химикамъ удалось разложить воду на кислородъ и

водородъ. Какъ ни грубо это физическое сравненіе, но процессъ психологическаго познанія идетъ тѣмъ-же путемъ. Каждый человѣкъ хорошо знаетъ, что такое „душа“ вообще, въ ея цѣломъ; но спросите, изъ какихъ элементовъ или явленій слагается душевная жизнь, и на этотъ вопросъ вамъ можетъ отвѣтить только психологъ или человѣкъ, знакомый съ психологіей. Въ непосредственномъ психологическомъ опытѣ намъ открывается не совокупность отдѣльныхъ душевныхъ явленій, а именно *душа*, какъ нераздѣльное цѣлое, какъ своеобразная „сущность“, безконечно сложная и въ то-же время безконечно простая, необыкновенно *измѣнчивая* и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно постоянная,—сущность, которую мы противопоставляемъ окружающему матеріальному міру и формулируемъ въ представленіи „я“. Что же касается душевныхъ „явленій“, то они опредѣляются нами уже позднѣе, когда намъ удастся посредствомъ *теоретическаго* анализа выдѣлить ихъ изъ душевнаго цѣлаго и уяснить ихъ взаимодѣйствіе. Вотъ почему сознаніе „я“ и популярная идея „души“ такъ всеобща и неизмѣнны, а научныя представленія о душевныхъ „явленіяхъ“ и ихъ законахъ такъ различны и измѣнчивы: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ простаго непосредственнаго воспріятія, а во второмъ съ результатомъ труднаго теоретическаго изслѣдованія.

Намъ возразятъ, что понятіе души, какъ сущности, грозитъ увлечь психолога въ „дебри метафизики“, откуда для него не будетъ возврата. Нужно замѣтить, что идея психической сущности въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего метафизическаго и совершенно различается отъ старой гипотезы таинственнаго „носителя“ душевныхъ явленій, которая такъ-же непримѣнима въ психологіи, какъ и метафизическое понятіе „явленія“. Мы называемъ душевною сущностью эмпирической фактъ,—реальное единство всѣхъ душевныхъ процессовъ и элементовъ, нераздѣльное цѣлое психической жизни, открывающееся намъ въ непосредственномъ внутреннемъ воспріятіи. Но не имѣя метафизическаго характера сама по себѣ, эта идея дѣйствительно выдвигаетъ предъ нами нѣкоторые вопросы метафизическаго свойства, изъ которыхъ главнымъ является вопросъ объ отношеніи души и тѣла. Однако

нужно-ли психологу бояться этихъ вопросовъ и въ правѣ-ли онъ уклоняться отъ нихъ? Вѣдь, такія проблемы, какъ вопросъ объ отношеніи души и тѣла, возникаютъ почти въ той-же самой формѣ и на почвѣ психологическаго феноменизма. Допустимъ, что „душа“ есть не болѣе, какъ совокупность душевныхъ „явленій“. Но душевныя „явленія“ находятся въ постоянной связи съ явленіями другого рода, съ явленіями тѣлесными или матеріальными. Какъ понять эту загадочную связь? Представляютъ-ли эти двѣ группы явленій два совершенно различныхъ міра, вторгающихся другъ въ друга, или только двѣ стороны одного и того-же міра, однородныхъ по самой своей природѣ? Нужно-ли видѣть въ нихъ функціи двухъ противоположныхъ началъ, связанныхъ непрерывнымъ взаимодействіемъ, или обнаруженія одного и того-же принципа? Если ихъ основа тождественна, то какая она,—матеріальная, или духовная, или средняя между ними, безразличная по существу? Все это метафизическіе вопросы, и если психологи-эмпирики не рѣшаютъ ихъ, то не потому, чтобы ихъ точка зрѣнія устраняла такія проблемы, а потому, что они намѣренно не желаютъ заниматься ими: метафизика для нихъ „жуфель“ и они во что бы то ни стало хотятъ пзбѣжать ея. Но панический страхъ предъ этимъ „жуфеломъ“ вредитъ ихъ собственному дѣлу. Отказываясь какъ-бы то ни было рѣшить принципиальные вопросы, въ которыхъ психологія соприкасается съ метафизикой, они оставляютъ въ своихъ научныхъ представленіяхъ пробѣлы, съ которыми никогда не можетъ примириться человѣческая мысль. Намъ недостаточно знать душевную жизнь, какъ она существуетъ сама по себѣ: намъ нужно также опредѣлить ея отношеніе къ остальнымъ вещамъ, понять ее въ рамкахъ цѣлаго міра. Если душевныя явленія психологъ долженъ изслѣдовать какъ части цѣлаго,—души, то и душу онъ долженъ разсматривать какъ часть цѣлаго,—вселенной. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что метафизическое рѣшеніе этихъ вопросовъ не есть научное рѣшеніе въ точномъ смыслѣ этого слова, а есть лишь нѣкоторый суррогатъ его. Но наука безсилна разрѣшить намъ основныя проблемы дѣйствительности, и психологъ поневолѣ долженъ воспользоваться ея суррогатомъ, если въ его рукахъ нѣтъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствъ.

Тамъ, гдѣ опытъ отказывается ему въ положительномъ объясненіи вещей, онъ принужденъ выдти за его предѣлы и составить себѣ возможно болѣе вѣроятную и логичную философскую гипотезу, которая могла-бы *faute de mieux* замѣнить положительное объясненіе. Значить-ли это, что безъ идеи душевной сущности и безъ метафизическихъ гипотезъ психологическія изслѣдованія лишаются всякой цѣлы? Разумѣется, нѣтъ. Они сохраняютъ все свое значеніе, но имъ недостаетъ и всегда будетъ нехватать надлежащаго истолкованія и полноты. Если-бы ботаникъ вздумалъ изслѣдовать только листья и вѣтви деревьевъ, не касаясь ихъ стволовъ и корней, то свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ-бы намъ о листьяхъ и вѣтвяхъ, могли-бы быть совершенно вѣрны; но онъ не далъ-бы намъ полнаго представленія о деревѣ въ цѣломъ, о деревѣ, какъ органическомъ индивидуумѣ. Если-бы онъ изучилъ строеніе, формы и законы растений, не уяснивъ намъ при помощи какой-нибудь біологической гипотезы ихъ отношенія къ остальному органическому и неорганическому міру, то нарисованная имъ картина жизни растительнаго царства могла-бы быть превосходна; но онъ не далъ-бы намъ полнаго понятія о растеніи, какъ части въ системѣ природы, о растеніи, какъ органическомъ видѣ. Точно такъ-же и психологъ-феноменистъ. Его наблюденія надъ душевными явленіями, ихъ свойствами и законами могутъ быть прекрасны, глубоки и вѣрны дѣйствительности; но онъ по недоразумѣнію забываетъ, что эти „явленія“ суть только элементы цѣлаго,—души, и по теоретическому предразсудку не хочетъ уяснить намъ положеніе этого цѣлаго въ системѣ вселенной. Онъ знакомитъ насъ, и, можетъ быть, превосходно знакомитъ, съ душевными состояніями, но онъ не даетъ намъ полнаго понятія о душѣ, какъ индивидуумѣ и видѣ. Психологія есть опытная наука, но именно съ точки зрѣнія самаго опыта она не можетъ быть „психологіей безъ души“ Она не можетъ превратиться въ метафизику, — точно такъ-же, какъ не можетъ превратиться въ педагогику или этику,— но она имѣетъ на ряду съ эмпирическими задачами и метафизическія проблемы, которыя нельзя игнорировать.

П. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).